

Тао Сяодун не видел, как Тао Хуайнань посреди ночи бредил от жара, дрожал и его рвало. Он лишь узнал по телефону, что Тао Хуайнань простудился, но двое младших не стали говорить, насколько сильно тот горел.

Сейчас, глядя на него, казалось, что он полон сил и готов выйти на улицу. Ранним утром Тао Хуайнань начал упрашивать брата взять его с собой в магазин, и Тао Сяодун согласился без лишних слов:

— Пойдем.

Тао Хуайнань наконец почувствовал себя победителем и сказал Чи Чэну:

— Я выхожу!

Чи Чэн ничего не ответил, просто протянул ему куртку и ушел.

Тао Хуайнань взял куртку и начал медленно надевать ее. Чем дольше он это делал, тем медленнее становились его движения. Молния никак не хотела застегиваться.

Прошло некоторое время, но голос Чи Чэна так и не раздался. Тао Хуайнань постепенно остановился.

— Что ты там копаешься? — подошел Тао Сяодун, чтобы подбодрить его. — Надеть куртку — и то столько времени.

Тао Хуайнань снова прислушался, но голоса Чи Чэна действительно не было. Он поколебался, затем снял куртку:

— Иди сам, я не пойду.

Тао Сяодун посмотрел на брата, не понимая его:

— Что с тобой опять?

Тао Хуайнань положил куртку:

— Кажется, мой Куге на меня злится. Я не пойду с тобой.

— Что? — Тао Сяодун заглянул в сторону Чи Чэна, который сидел и завязывал шнурки. — С чего ты это взял?

— В общем, я не пойду. — Тао Хуайнань снял обувь и, ощупывая стену, пошел в комнату к Чи Чэну, бормоча себе под нос:

— Я не хочу его злить. Если он рассердится, это никогда не закончится.

— Ладно, оставайся дома. — Чи Чэн закончил завязывать шнурки и начал надевать обувь. — Я пойду с братом, а ты оставайся дома.

Тао Хуайнань на мгновение замер, поняв, что его подшутили. Он быстро вернулся к стене, надел куртку и сказал:

— Ты только и знаешь, что пугать меня.

— Ты сам слишком много драматизируешь. — Чи Чэн нацепил ему маску на уши, чтобы тот не простудился на улице.

— Ты специально молчал. — Тао Хуайнань продолжал говорить из-под маски.

Чи Чэн не стал с ним спорить, натянул ему капюшон, тщательно укутал и только после этого вывел его за дверь.

Несмотря на все предосторожности, в магазине Тао Хуайнань все равно кашлял, сидя и прикрывая рот рукой. Чи Чэн похлопал его по спине и налил ему воды.

— У Сяонаня слабый иммунитет. — Брат Хуан подошел и дал Тао Хуайнаню пластинку с таблетками.

— Да, каждую зиму он кашляет. — Тао Сяодун только что вернулся, сегодня у него не было клиентов, и во второй половине дня ему нужно было кое-что сделать.

Тао Хуайнань положил таблетку в рот, и она сразу же охладила его.

— Вчера я слышал, как твоя жена говорила, — Брат Хуан посмотрел на двоих младших и сказал Тао Сяодуну:

— Так куда Чи собирается поступать? Он не хочет идти в лучшие школы?

— Еще не решил, посмотрим. — Тао Сяодун тоже посмотрел на них. — Когда придет время, посмотрим, куда он захочет.

— А что насчет Сяонаня? — спросил Брат Хуан.

— Вернется в школу для слепых. — ответил Тао Сяодун.

Брат Хуан еще не успел что-то сказать, как Чи Чэн, казалось, тоже хотел высказаться, но первым заговорил Тао Хуайнань:

— Я не хочу.

Тао Сяодун сказал ему:

— Не капризничай, малыш. Ты не можешь продолжать жить как попало, тебе тоже нужно сдавать гаокао.

— Я не пойду в школу для слепых. — Тао Хуайнань нахмурился и придвинулся ближе к Чи Чэну. — Я хочу оставаться с моим Куге.

— Но ты должен быть в состоянии это сделать, — в глазах Тао Сяодуна мелькнула жалость, но он не мог позволить им продолжать вести себя так. — Какой экзамен ты сможешь сдать?

Тао Хуайнань открыл рот, но не смог ответить.

Он не мог поступить никуда. Обычные школы не могли его учить и не приняли бы его. Школы, в которые мог поступить Чи Чэн, были лучшими, и учебные ресурсы там были ограничены. Как они могли позволить себе принять слепого ученика, который только отнимал бы ресурсы? Кроме того, принимать слепого ученика было слишком рискованно, ведь если бы с ним что-то случилось, школа взяла бы на себя ответственность.

Тао Хуайнань потянулся рукой в сторону, и Чи Чэн протянул ему свою. Тао Хуайнань мягко сжал ее.

— Ему не нужно идти в школу для слепых, брат. — Чи Чэн посмотрел на Тао Сяодуна. — В старшей школе я смогу учить его сам, он будет со мной.

— В старшей школе у вас будет мало времени. У тебя самого времени не хватит, а ты еще будешь заботиться о нем. — Тао Сяодун покачал головой. — Ему рано или поздно придется учиться быть самостоятельным, хватит его баловать.

Эти слова разбили сердце Тао Хуайнаня.

— Времени хватит, я привык. — Чи Чэн провел большим пальцем по ладони Тао Хуайнаня и продолжил говорить с Тао Сяодуном:

— Не мучай его, брат, а то он снова заболит.

Брат Хуан, стоявший рядом, засмеялся и сказал Тао Сяодуну:

— Скажешь еще пару слов, и Сяонань заплачет.

Тао Хуайнань не собирался плакать, но ему было действительно тяжело. Он сжал губы и молчал, чувствуя себя беспомощным перед своей судьбой. Он не хотел расставаться с Чи Чэном, но реальность была такова, что, как бы он ни старался, он не мог поступить в ту же школу, что и Чи Чэн.

— Рано или поздно это должно было случиться. — Тао Сяодун посмотрел на брата, и в его сердце тоже было больно. — Вы не можете быть привязаны друг к другу всю жизнь. У каждого своя жизнь, и однажды тебе придется отпустить.

Слово «отпустить» заставило Тао Хуайнаня инстинктивно сжать руку Чи Чэна еще сильнее.

— Он сейчас заплачет. — Чи Чэн посмотрел на Тао Хуайнаня, сжал его руку и больше не стал говорить об этом, только улыбнулся и сказал брату:

— Не расстраивай плаксу, брат.

Тао Сяодун тоже улыбнулся и заговорил с Братом Хуан о чем-то другом.

Прожив в темноте долгое время, Тао Хуайнань уже привык к смутному ощущению света. Иногда, когда солнце было особенно ярким, он радовался, как будто перед его глазами тоже становилось светлее. Но когда человек чувствует себя одиноким, он ощущает, что вокруг него тьма, и для Тао Хуайнаня это было особенно верно. Одиночество — это тьма, которая может поглотить сердце, вечная и безграничная.

Какие дети не боятся темноты? Когда выключают свет, дети плачут, но Тао Хуайнань в том возрасте, когда другие дети еще боялись темноты, уже навсегда оказался в темноте.

До того, как появился Чи Чэн, Тао Хуайнань всегда был в темноте, пока в восемь лет у него не появился Чи Чэн.

Чи Чэн стал его ночным светильником. Благодаря ему он мог протянуть руку в темноте и знать, что рядом есть кто-то, кто будет с ним, кто будет держать его за край одеяла.

— О чем думаешь? — Брат и Брат Хуан все еще разговаривали, а Чи Чэн прошептал ему на ухо.

Тао Хуайнань мягко покачал головой.

Утром он был таким счастливым, шлепал по маленькой кучке снега у входа в магазин, пока его обувь не промокла насквозь. В магазине снег растаял, и вода смешалась с грязью, но он этого не знал. Сотрудники магазина смеялись, убирая за ним, пока Чи Чэн не заставил его вытереть обувь о швабру. Теперь вся эта радость исчезла, свет в его больших глазах погас.

Время, когда брата не было дома, заставило Тао Хуайнаня почувствовать себя немного оторванным от реальности, и он стал воспринимать многие вещи слишком просто.

Возвращение брата вернуло их всех в реальность. Как он только что сказал, рано или поздно он останется один, и у всех, кого он любит, будет своя жизнь.

— Опять в голове сценарий разыгрываешь? — Чи Чэн говорил очень тихо, шепча ему на ухо, так что его губы касались уха Тао Хуайнаня. — До какого момента дошел?

Он был таким надоедливым, что немного развеял настроение Тао Хуайнаня.

— Дошло до того, как я бросил тебя одного? — Чи Чэн, казалось, вспомнил что-то, и в его голосе даже прозвучала улыбка. — Почему ты еще не плачешь?

Такой надоедливый!

Тао Хуайнань толкнул его, отодвинув немного, и повернул голову в другую сторону, чтобы не слышать его. Тао Хуайнань не видел, как Чи Чэн сейчас улыбался. Когда он улыбался, он выглядел совсем иначе, чем обычно, но Тао Хуайнань никогда не мог этого увидеть, никогда.

Чи Чэн потрогал его волосы, а затем, подойдя ближе, шепнул:

— Я не брошу тебя, хватит играть.

Тао Хуайнань моргнул и повернулся к нему. Его «взгляд» был просто поворотом лица в ту сторону, что выражало значение «смотреть», но не приносило результата.

Чи Чэн подошел ближе, и их носы соприкоснулись, причем довольно сильно, так что Тао Хуайнань даже почувствовал боль.

Тао Хуайнань нахмурился и потер нос:

— Даже больно...

Чи Чэн тоже потер его нос, а затем сжал.

За все годы, что Тао Хуайнань рос, брат всегда давал ему все, что он хотел. Однако Тао Хуайнань никогда не просил многого, но всегда были вещи, которые брат не мог ему дать.

В этот Новый год они никуда не пошли, а остались дома.

Вечером, когда брат и Чи Чэн готовили пельмени, Тао Хуайнань сидел за столом, подперев голову руками. Чи Чэн положил ему в рот креветку, и Тао Хуайнань съел ее. Тао Сяодун с улыбкой посмотрел на него и вдруг сказал:

— Малыш, не взрослей больше.

Тао Хуайнань кивнул и сказал:

— Хорошо, не буду.

<http://bllate.org/book/16228/1458283>